

такое было возможно... Во всех религиях главное – то, что мы произошли не от обезьяны, а нас создал Бог, то, что Бог существует. Есть близкие религии, есть далёкие. Но основа-то всюду одна.

– Ваше ощущение общности религий, связано оно с тем, что Мандельштам называл "тоской по мировой культуре"?

– Думаю, да. Сам Мандельштам считал себя человеком христианской цивилизации. Но не был христианином, хотя и принял лютеранство. Надежда Яковлевна всё время подчёркивала, что он перешёл в христианство идейно, но в действительности этого не было. Он принял христианство, чтобы поступить в университет, но в отличие от Пастернака ощущал себя евреем. Мандельштаму просто не нравилось, что его семья была отгорожена от русской культуры, которую он ценил. Но он имел полное право написать про себя: "Среди священников левитом молодым". Отчуждения от еврейства у него не было. Если, конечно, не понимать еврейство только как быт.

– У вас с ним были беседы на эти темы?

– Да.

Семён Липкин:
"Должно
пройти время"

Преодоление века

– Ваш поэтический дебют затянулся. Жалее ли вы об этом?

– Когда был моложе – жалел. Нас было четверо: Аркадий Штейнберг, Арсений Тарковский, Мария Петровых и я. Группа называлась "Квадрига". Я написал о "Квадриге" такие строки:

*Среди шутов, среди шутих,
Разбойных, даровитых, пресных,
Нас было четверо иных,
Нас было четверо безвестных.*

Штейнберг умер, так и не дождавшись своей первой книги. Тарковский, я и Петровых издались очень поздно. Особенно болезненно переживал это Тарковский. Он пробовал издать книгу раньше, написал даже стихи о Сталине, но наверху они не понравились. Противно, конечно, но приходится признать, что такое было. Я издал первую книгу в пятьдесят шесть лет. И то её обкорнали, сократили в пять раз.

– Нынешние поэты вас не поймут. Ведь сегодня так просто издать книжку. Чью угодно, о чём угодно.

Были б деньги. Заплатил – и никаких переживаний. И наутро ты – поэт. Происходит девальвация, но может, это и хорошо: поэзия заняла свою нишу, перестала выполнять несвойственные ей функции.

– Может, и хорошо. В демократической стране поэт не может быть "больше, чем поэтом". Это уже и так много. Если он больше, чем поэт, неизвестно, поэт ли он вообще. Тем не менее строка Евтушенко отражала реальное положение вещей. Его "Бабий Яр" действительно всколыхнул всю Россию, но мы не знаем, что станет с этими стихами, скажем, лет через пятьдесят.

– 50–100 лет назад никто и предположить не мог такой мощной экспансии американских ценностей в страны Старого Света. В том числе и в Россию. Эти ценности наднациональны и демократичны. Они имеют все шансы на успех. Может быть, за американской культурой будущее?

– Об этом трудно судить. Императорский Рим владел огромными территориями. Тем не менее легионеры привозили чужих богов в свой пантеон. Трудно понять, кто на кого повлиял сильнее. Были ли Катулл, Гораций, Овидий поэтами для варваров: галлов, германцев, саксов? Вряд ли.

– Но в конце концов стали. Спустя сотни лет.

– Стали единицы, и лишь благодаря таланту, а не культурной экспансии. Действительно, должно пройти много времени, тогда станет ясно, кто чего стоит.

СЕМЁН ИЗРАИЛЕВИЧ ЧАСТО ПОВТОРЯЛ: "ДОЛЖНО ПРОЙТИ ВРЕМЯ". Оно идёт, непредсказуемо меняя наше восприятие и жизни, и поэзии. Мы спешим, суетимся, стараясь не пропустить самое главное. Что именно? Раньше об этом можно было спросить Липкина. Теперь – не знаю кого.

Справка «Алфавита»

Семён Липкин родился 91 год назад в семье одесского портного. Переехал по совету Багрицкого в Москву, окончил инженерно-экономический институт. В "Новом мире", за номер до появления там портрета Маяковского в траурной рамке, были напечатаны три строфы без названия, подписанные "Сем. Липкин". Вскоре поэт стал неугоден, и с 31-го его перестали печатать. Пришлось заняться переводами. Долгие годы Липкин работал в редакции литературы народов СССР Госиздата. Этому повороту в его судьбе мы обязаны русским текстом калмыцкого эпоса "Джангар", киргизского эпоса "Манас", "Лейла и Меджнун" Навои, "Шахнаме" Фирдоуси... Переводил он до 80-го, когда после скандала с альманахом "Метрополь" был отставлен от своего ремесла. 180 000 строк восточной классики (для сравнения: в "Илиаде" – 15 700, в "Одиссее" – 12 100). За одно это Липкина будут вспоминать с благодарностью. Он относился к переводам не как к кормушке, а как к полноценной культурной деятельности.

Вернуться к читателю Липкину удалось лишь в 56-м: Твардовский опубликовал его в "Новом мире". Вернулся и был заклеен как пропагандист "байско-феодалных эпосов". Совсем уж нелепым было обвинение в сионизме после выхода стихотворения "Союз", где речь шла о племени И (в этом усмотрели указание на Израиль).

Когда вышел "Метрополь", ему с Инной Лиснянской пришлось покинуть Союз писателей, восстановили лишь в 86-м. В промежутке появляется роман "Декада", где Липкин писал: "Национальное самосознание прекрасно, когда оно самоосознание культуры, и отвратительно, когда оно самоосознание крови". За романом следуют воспоминания об Ахматовой, Мандельштаме, Гроссмане, Заболоцком.

Участник войны, в начале 60-х он пишет поэму "Техник-интендант", которую Ахматова причисляла к лучшим русским стихам на военную тему. Его книгу "Воля" издал в Америке Бродский.

За год до смерти Липкин закончил переложение эпоса "Гильгамеш". 31 марта 2003-го он сошёл с крыльца переделкинской дачи и упал лицом в снег.

Я.Ш.